

Военно-историческія замѣтки.

I.

Причины шведской войны 1788—1790 гг.

Извѣстное историческое разслѣдованіе К. Ф. Ордина «Покореніе Финляндіи» вышло вторымъ изданіемъ. Нельзя не привѣтствовать этого отраднaго явленія, которое показываетъ и ростъ интереса къ «финляндскому вопросу», и заботу обставить подобающимъ образомъ столѣтіе присоединенія этого края къ Имперіи. Столѣтіе истекаетъ 5-го сентября сего года.

Историческій трудъ К. Ф. Ордина давно оцѣненъ по достоинству. Онъ началъ работать надъ финляндскимъ вопросомъ съ того дня, когда убѣдился, «что Россія на дорогѣ къ потерѣ Финляндіи». Онъ работалъ долго и упорно и трудъ увѣнчался успѣхомъ: академія наукъ почтила его полной преміей, публика—своимъ вниманіемъ, финляндцы... своимъ злобнымъ нерасположеніемъ. Это послѣднее обстоятельство хорошій признакъ для русскаго писателя:

когда врагъ хвалить, то ищи или гнуснаго пресмыканія передъ нимъ, или открытаго предательства... «Я совершенно согласенъ съ вами во взглядахъ на отношенія Финляндіи къ Россіи,—писалъ К. Ф. Ордину академикъ Я. К. Гротъ,—и нахожу ваши возраженія и доводы убѣдительными... Не могу не жалѣть и не досадовать, что они (финляндцы) такъ недружелюбно относятся къ Россіи и забываются въ своихъ претензіяхъ... А явно пристрастное отношеніе финскихъ судовъ ко всему русскому, чему было множество примѣровъ? Дѣйствительно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно это враждебное чувство, которое въ столькихъ случаяхъ проявлялось у финляндцевъ противъ русскихъ, вызвало и въ послѣднихъ неудовольствіе... Мы у себя всегда трактовали финновъ, какъ своихъ братьевъ,—а они насъ — какъ ненавистныхъ иноземцевъ. Вотъ что, наконецъ, надо имъ высказать прямо и рѣзко. Это истина неоспоримая». Таково мнѣніе спокойнаго и всѣми уважаемаго ученаго, который отлично изучилъ финляндцевъ, проживъ долго въ ихъ средѣ, въ Гельсингфорсѣ. Я. К. Грота никто не заподозритъ въ финноненавистничествѣ и онъ громко засвидѣтельствовалъ враждебность финляндцевъ къ русскимъ. Этого факта не слѣдуетъ забывать, когда рѣчь идетъ о взаимныхъ отношеніяхъ. Итакъ, озлобленіе финляндскихъ писателей къ честному русскому патріоту въ порядкѣ вещей.

Историческое же изслѣдованіе К. Ф. Ордина говоритъ за себя. Можно не соглашаться съ его воззрѣніемъ на тотъ или другой вопросъ, «но невозможно не признать, что сообщаемые имъ факты заслуживаютъ нашего полнаго вниманія», какъ заявилъ шведскій ученый Йерне; нельзя также не признать громадной заслуги Ордина уже только потому, что онъ первый изъ русскихъ изслѣдовалъ финляндскій вопросъ и первый обосновалъ его архивнымъ матеріаломъ.

Объ изслѣдованіи К. Ф. Ордина такъ много писали въ свое время, что трудно сказать что либо новое о немъ. Литература о немъ указана во II томѣ собранія К. Ф. Ордина (стр. V—XII). Но вотъ на чемъ останавливается наше вниманіе. Издатель полнаго собранія сочиненій К. Ф. Ордина говоритъ въ предисловіи, что со времени выхода трудовъ К. Ф. Ордина прошло почти двадцать лѣтъ и за это время естественно накопилось много новаго матеріала, который не могъ быть извѣстенъ Ордину. Это несомнѣнно такъ.

Обладая частью такого матеріала, мы попытаемся дополнить нѣкоторые отдѣлы изслѣдованія К. Ф. Ордина, и именно тѣ, кото-

рые могутъ представить большій интересъ для читателей военнаго журнала. Для начала возьмемъ причины, приведшія къ столкновению 1788 г. Благодаря особенно обстоятельной работѣ шведскаго историка К. Т. Однера (С. Т. Odhner) получается возможность пролить новый свѣтъ на тѣ тайныя пружины, которыя искусственно вызвали войну именно въ то время, когда Россія была занята второй турецкой кампаніей.

Вступленіе на шведскій престолъ, въ февралѣ 1771 г., Густава III нѣсколько обезпокоило Екатерину II. Предчувствіе не обмануло ее. Голова ея вновь коронованаго двоюроднаго брата была богата проектами; энергія, боевые порывы и огромное честолюбіе переливались въ его крови.

Начало его царствованія ознаменовалось насильственнымъ государственнымъ переворотомъ 1772 года, нарушившимъ также одно постановленіе Ништадтскаго мира. Давно уже взаимныя интересы Швеціи и Россіи сталкивались и перепутывались. Россія, вмѣстѣ съ Пруссіей и Даніей, стремилась къ охраненію въ Швеціи прежней формы правленія, ограничивавшей власть шведскихъ королей. Густавъ революціей 1772 г. порвалъ путы, связывавшія руки короля, и сбросилъ опеку Россіи, вмѣшивавшейся во внутреннія дѣла его государства.—Его дѣйствія родили недовольства. Фридрихъ II писалъ своему племяннику: «Изъ письма вашего величества, отъ 21-го августа, я узналъ о счастливо совершенномъ измѣненіи Формы Правленія въ Швеціи. Однако, неужели вы думаете, что это событіе ограничится удачей внутренней революціи въ вашемъ государствѣ? Развѣ вы забыли, что Россія, Данія и я самъ были порукой сохраненія уничтоженной теперь Формы Правленія?»

Екатерина иронизируя писала къ Вольтеру, въ концѣ 1772 г.: «Кстати, что вы скажете о революціи въ Швеціи? Въ четверть часа или еще менѣе народъ лишился тамъ своей конституціи и своей свободы. Въ продолженіе двадцати минутъ представители сословій, окруженные войсками, обсудили 57 пунктовъ, изъявили свое согласіе и подписали ихъ. Я не знаю, можно ли назвать это кроткою властью, но ручаюсь, что Швеція лишена своей свободы, и что король въ этомъ государствѣ имѣетъ такую же деспотическую власть, какую имѣетъ король французскій. И это могло совершиться не болѣе, какъ черезъ два мѣсяца послѣ того, что король и народъ дали клятву соблюдать взаимныя права».

Густавъ понималъ, что если буря иностранныхъ государствъ пронеслась тогда мимо Швеціи, то при другихъ условіяхъ можно было ожидать ея возобновленія.

Произведя государственный переворотъ (1772), онъ сталъ мечтать о завоеваніи отнятыхъ у Швеціи Петромъ Великимъ и Елизаветой Петровной провинцій и о восстановленіи утеряннаго международнаго положенія. Король горѣлъ желаніемъ вернуть Швеціи ея славное прошлое и своимъ царствованіемъ напомнить время Густава-Адольфа. Первые счастливые шаги сдѣлали Густава III кумиромъ народа, но обстоятельства столкнули его съ этого лучшаго пьедестала. Раненое самолюбіе побуждало обрѣсти новые пути къ возвышенію. Онъ понималъ, что къ намѣченной высокой цѣли ведутъ два пути: одинъ путь—общественныхъ реформъ, бережливости, жертвъ; другой—военной славы. Первый путь долгій и тернистый, второй—блестящій, скорый и громкій. Французское яоспитаніе и природный складъ характера порывисто толкали его руку къ мечу. Путемъ боевыхъ подвиговъ онъ рассчитывалъ быстро увѣнчать себя лаврами и народнымъ расположеніемъ.

Россія не давала ему покоя. Она росла въ послѣднее время въ нѣкоторомъ родѣ за счетъ Швеціи, она вырвала у Скандинавіи гегемонію на сѣверѣ; по слѣдамъ отступавшихъ дружинъ Карловъ и Густавовъ она вошла въ Европу. Не въ характерѣ Густава было исполнять вторые роли среди европейскихъ государей и потому уже въ запискѣ его, относящейся къ 1775 г., говорилось: «Все клонится къ войнѣ въ настоящемъ или въ будущемъ году»: необходимо не теряя ни одной минуты, готовиться къ оборонѣ. Чтобъ окончить возможно скорѣе такую войну, я намѣренъ всѣми силами напасть на Петербургъ и принудить такимъ образомъ Императрицу къ заключенію мира».

Неоднократно послѣ того Густавъ останавливался на мысли о походѣ въ Россію. Чтобы разглядѣть разнообразные его мотивы къ этой войнѣ, необходимо вернуться къ 1783—1784 гг., т. е. къ тому времени, когда порвались дружественныя его отношенія съ Екатериной II. Искры недовольства стали показываться то въ Стокгольмѣ, то въ Петербургѣ. Рѣзкіе отзывы о Густавѣ замелькали въ письмахъ Екатерины. Густавъ съ своей стороны остался недоволенъ послѣднимъ свиданіемъ въ Фридрихсгамѣ. Король, обуреваемый жаждой славы, собирался тогда напасть на Данію и, для обезпеченія успѣха, старался поднять Турцію на Россію. Онъ зналъ, что такіе шаги не забываются сосѣдними государствами и ему по-

стоянно грезилось, что Россія выжидаетъ лишь случая, чтобы уни- зить и раздавить его. Неувѣренность въ прочности своего трона и въ сохраненіи захваченныхъ переворотомъ 1772 г. правъ, побуж- дали его работать надъ планомъ борьбы и особенно—надъ планомъ внезапнаго нападенія на врага. Начиная уже съ 1780 г. Швеція затрачивала огромныя суммы на сооруженіе флота, что сильно обезпокоивало честнаго адмирала К. Эренсверда, который отно- сился отрицательно къ завоевательнымъ стремленіямъ короля. Надъ флотомъ трудились во всѣхъ гаваняхъ Финляндіи и Швеціи. (См. Арх. кн. Вяземскаго, 1881).

Не проходитъ затѣмъ года безъ тревогъ и опасеній. Осенью 1783 года, Екатерина писала Густаву, находившемуся тогда въ Венеціи: «Говорятъ, что вы намѣрены напасть на Финляндію и идти прямо къ Петербургу, по всей вѣроятности, чтобы здѣсь по- ужинать. Я, впрочемъ, не обращаю вниманія на такую болтовню, въ которой выражается лишь игра фантазіи».

Въ 1784 году воинственные замыслы Густава заставляютъ рус- ское правительство крѣпко подумать объ охраненіи границъ Фин- ляндіи въ виду того, что весной этого года король обозрѣлъ тамъ войска и крѣпости, а по договору съ Франціей, Людовикъ XVI обѣ- щалъ, при приведеніи Швеціи въ оборонительное состояніе, уплатить сверхъ ежегодныхъ пособій, еще 6 мил. ливровъ. (Брикнеръ, «Война 1788 г.», стр. 12).

Въ маѣ 1785 года, датскій чрезвычайный посланникъ и полно- мочный министръ при С.-Петербургскомъ дворѣ Сень-Сафоренъ намекалъ нашему вице-канцлеру, «что по извѣстіямъ его двора, въ Швеціи разныя военныя приготовленія продолжаются, и что положено быть лагерю въ Финляндіи, куда и самъ король намѣ- ренъ ѣхать».

Въ 1786 г., 1-го апрѣля, посоль Великабританіи Фицгербертъ, еще яснѣе высказался графу Остерману о видахъ Густава III.— «Король шведскій говорилъ, что не только не имѣетъ причины опасаться Россіи, но можетъ еще заставить себя почитать, имѣя снаряженными 15 кораблей и 15,000 войска, которое въ случаѣ нужды ему не трудно удвоить». (Григоровичъ, гр. А. А. Безбо- родко, т. II, стр. 1).

Въ этомъ году русскіе дали ничтожный поводъ Густаву къ тре- вогѣ и раздраженію посылкой въ Финляндію генерала, которому поручено было, подъ предлогомъ путешествія, осмотрѣть укрѣпле- нія и дефели и разузнать о настроеніи умовъ.

Но истинныя и болѣе глубокія причины, побудившія Густава въ 1788 г. неожиданно и безъ объявленія войны броситься на Россію, не будутъ понятны безъ исторіи риксдага 1786 года. Густаву Армфельту и многимъ другимъ король говорилъ, что русская война явилась послѣдствіемъ этого риксдага. И король былъ правъ. Давно обдумывая войну съ Екатериной, Густавъ предварительно желалъ, при помощи сословныхъ представителей, улучшить финансовое положеніе страны.

Риксдагъ былъ созданъ на 1-е мая 1786 г. Депутаты съѣхались; но управлять ими было не такъ легко, какъ прежде. Оппозиція, руководимая Акселемъ фонъ-Ферзенемъ, воспользовалась случаемъ, чтобы высказаться; этого домогались и другія сословія. Оппозиціонные депутаты собирались въ домѣ русскаго посланника Моркова. Большинство предложеній короля было отклонено. Несмотря на то, что военные авторитеты желали учрежденія пассиволанса (подъ запаса) онъ не былъ введенъ во многихъ полкахъ. Король просилъ миліонъ риксдалеровъ на запасные магазины, но сословія асигновали лишь незначительную сумму. Экстраординарные налоги были утверждены только на четыре года. Шумныя пренія возбудилъ также вопросъ о винокурении. Король, видя, что при такихъ условіяхъ нельзя урегулировать финансовъ, закрылъ риксдагъ 23-го іюня рѣчью, въ которой онъ, между прочимъ, сказалъ: «королямъ необходимо обращаться къ потомству, ибо порицанія и похвалы современниковъ несправедливы». Гордости короля былъ нанесенъ жестокій ударъ. Риксдагъ 1786 г. навсегда остался однимъ изъ самыхъ горькихъ его воспоминаній.

Финансы пребывали въ прежнемъ печальномъ положеніи. Виды на заграничные займы рушились. Срокъ французской субсидіи скоро истекалъ. Вновь созвать риксдагъ, послѣ того, что случилось въ 1786 г., представлялось для Густава совершенно немыслимымъ. Передъ сословными представителями онъ могъ выступить теперь только триумфаторомъ, а не челобитчикомъ.

За риксдагомъ 1786 года «послѣдовали дни, — рассказываетъ Оксеншерна, — въ которые Густавъ предавался полному отчаянію; онъ находилъ, что вся любовь народа на вѣки утеряна, что тотъ, кто когда то былъ такъ любимъ, какъ онъ, болѣе никогда не могъ возвратитъ сердца, порвавшія такія прочныя узы».

Исходъ изъ создавашагося положенія заключался въ томъ, чтобы вновь явиться спасителемъ народа, героемъ и повелителемъ, подобно тому, какъ это происходило въ 1772 г. Расположеніе народа

дать средство сокрушить ненавистную оппозицію, которая такъ глубоко его оскорбила и омрачила его славу въ глазахъ Европы.

Охваченный этой фантазіей и крѣпко вѣруя въ свою счастливую звѣзду, Густавъ еще болѣе освоился съ мыслью, что необходимо съ боя взять любовь народа и восторжествовать надъ своими внутренними врагами.

Случай скоро представился. Россія была вовлечена во вторую войну съ Турціей. Русская армія сосредоточена на югѣ... Теперь или никогда! И какъ азартный игрокъ, Густавъ ринулся въ рискованное предпріятіе...

Король находился въ театрѣ Дротнингольма, когда пришло извѣстіе о томъ, что Турція объявила войну Россіи. По окончаніи первой пьесы онъ поспѣшилъ въ городъ, гдѣ затѣмъ провелъ двѣ ночи въ переговорахъ и совѣщаніяхъ. Онъ отправилъ въ разныхъ направленіяхъ нѣсколько дипломатическихъ бумагъ. (Однеръ, ч. 3, стр. 10).

Помимо указаннаго важнаго на международной аренѣ обстоятельства, внутри королевства было замѣчено, что представитель Россіи, начиная съ 1785 г., старался вновь создать въ Стокгольмѣ свою партію, на подобіе существовавшей въ періодъ свободы (frihetstiden). Но риксдагъ 1786 г. показалъ, что духъ партій значительно измѣнился и съ русскимъ министромъ вступили въ сношенія лишь мало-уважаемые партійные дѣятели, руководители же оппозиціи большею частью держались въ сторонѣ. Только военныя приготовленія короля вновь собрали болѣе значительную оппозицію вокругъ русскаго министра.

Задумавъ войну, Густавъ упорно вооружался, произвелъ заемъ въ Амстердамѣ, наводилъ въ Россіи нужныя справки, а Екатерину продолжалъ увѣрять въ своемъ миролюбіи.

Въ Петербургѣ, въ качествѣ развѣдчика, отправленъ былъ шведскій лазутчикъ, баронъ А. Л. Штирнельдъ (A. L. Stierneld). Передъ отъѣздомъ, въ январѣ 1788 г., онъ посѣтилъ нашего представителя при стокгольмскомъ дворѣ, гр. Разумовскаго, отъ котораго получилъ рекомендательное письмо къ вице-канцлеру Остерману. Разумовскій описалъ его, какъ выдающагося «патріота», предназначеннаго играть политическую роль у себя на родинѣ. Король же отзывался о Штирнельдѣ, какъ о «неприятномъ и очень подозрительномъ человѣкѣ». (Однеръ, ч. 3, стр. 36).

Въ Остзейскій край (въ 1787 г.) король послалъ ловкаго и образованнаго Іоганна-Альберта Эренстрема. «Вы сами видѣли,

сказалъ ему Густавъ, что въ Европѣ все готовится къ войнѣ. Неизвѣстно, можетъ ли Швеція избѣгнуть быть втянутой въ нее. При такой неизвѣстности, осторожность требуетъ заранѣе принять мѣры и пользоваться возможными благопріятными обстоятельствами. Меня съ разныхъ сторонъ увѣдомили, что въ Лифляндіи и Эстляндіи дворянство очень недовольно потерей ненарушимо сохраненныхъ со времени Петра I привилегій. Я хотѣлъ бы узнать достоверно, въ чемъ дѣло и такого ли оно рода, чтобы Швеція, въ случаѣ войны съ Россіей, могла извлечь изъ нея какую-нибудь пользу. Я назначилъ васъ добыть это важное для меня и для государства свѣдѣніе, и я увѣренъ, что никто лучше васъ не можетъ исполнить мое желаніе въ этомъ отношеніи». Вскорѣ король вторично призвалъ Эренстрема и теперь весьма опредѣленно выразился на счетъ своихъ воинственныхъ намѣреній. «Я готовъ, — сказалъ онъ, — встрѣтить, если нужно, своихъ враговъ. Мой флотъ въ хорошемъ состояніи, армія въ полномъ комплектѣ, и въ магазинахъ припасовъ въ изобиліи; въ орудіяхъ, порохѣ и снарядахъ недостатка нѣтъ. На счетъ денегъ не такъ благополучно, но чтобы достать ихъ, средства всегда найдутся. Форма Правленія не представляетъ препятствій; мнѣ было 24 года, когда ее приняли; она могла быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ менѣе двусмысленна, но моя неопытность благопріятствовала нѣкоторымъ предложеніямъ, которыя теперь дѣлаютъ затрудненія». (Рус. Стар. 1893, іюль, стр. 21).

Въ январѣ 1788 г. Густавъ III впервые условно рѣшилъ напасть на Россію. (Однеръ, ч. 3, стр. 27). Весной 1788 г. слухи о предстоящей войнѣ были столь упорны, что Эренстремъ послѣшилъ домой изъ своей командировки.

Свѣдѣнія о шведскихъ вооруженіяхъ стали доходить до Петербурга съ конца 1787 г. Ихъ сообщалъ главнымъ образомъ русскій представитель при стокгольмскомъ дворѣ графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій. Густавъ III познакомился съ нимъ въ Неаполѣ и выразилъ желаніе видѣть его дипломатомъ въ Швеціи. Король считалъ графа Разумовскаго свѣтскимъ человѣкомъ, преданнымъ удовольствіямъ, а потому безопаснымъ въ политическомъ отношеніи. Но потомъ взаимныя отношенія быстро испортились. Армфельтъ утверждалъ (16-го мая н. ст.), что король ненавидитъ Разумовскаго болѣе, чѣмъ всю русскую націю вмѣстѣ взятую. (Однеръ, ч. 3, стр. 26, примѣч.). Король обвинялъ графа Разумовскаго въ томъ, что онъ открыто распространялъ свое неудовольствіе въ столицѣ, старался подорвать авторитетъ верховной власти въ Шве-

ции и вообще нарушалъ предѣлъ своихъ обязанностей. «Замѣтите, пожалуста,—писала Императрица Гримму,—что шведскій король всегда казался доволенъ графомъ Разумовскимъ. Помнится, у меня есть письмо, въ которомъ онъ отзывается о немъ съ особой похвалой, и онъ никогда не жаловался ни на графа, ни на его предшественниковъ (Рус. Ар. 1878, № 10, стр. 158).

Графъ Разумовскій проникъ въ намѣреніе Густава воспользоваться турецкой войной, для нападенія на Россію, но Петербургъ въ своемъ самомнѣніи не вѣрилъ графу и не приготовлялся надлежащимъ образомъ къ оборонѣ. «Императрица долго не хотѣла вѣрить, что ей можетъ грозить серьезная опасность со стороны Швеции. Мой пріятель, графъ Андрей Разумовскій,—пишетъ Ланжеронъ въ своихъ мемуарахъ,—мнѣ съ полною откровенностью сообщилъ о его безуспѣшныхъ стараніяхъ обратить вниманіе своего двора на опасность, которой Россія легко могла подвергнуться съ этой стороны. Такъ какъ государи никогда не ошибаются, графъ Разумовскій тогда очутился въ немилости, или по крайней мѣрѣ показывали видъ нерасположенія къ нему хотя лишь временно; въ концѣ концовъ, однако, Императрица, умѣвшая цѣнить его образъ дѣйствій, отдавала ему полную справедливость и воспользовалась имъ для другихъ дипломатическихъ сношеній». Графъ С. Р. Воронцовъ, въ началѣ 1797 г., утверждалъ, что Екатерина, если бы обратила сразу должное вниманіе на предупрежденія Разумовскаго, могла принять соотвѣтствующія мѣры и наказать Густава отнятіемъ у него Финляндіи (См. Брикнера, Семейство Разумовскихъ, т. V, стр. 285).

«Напрасно министры единодушно убѣждали Императрицу задержать флотъ для защиты береговъ,—читаемъ у гр. Сегюра,—уже три фрегата вышли въ море» (Записки гр. Сегюра. СПб. 1865. стр. 296). Императрица не хотѣла вѣрить, что государь незначительной страны, безъ союзниковъ и денегъ, бросится на Россію.

Въ ноябрѣ 1787 г. Совѣтъ въ Петербургѣ, разсмотрѣвъ донесенія гр. Разумовскаго изъ Стокгольма, постановилъ: въ виду безпокойнаго нрава Густава и его легкомыслія, укомплектовать гарнизоны въ Ревелѣ и Аренбургѣ, а графу Брюсу предписать «имѣть точныя свѣдѣнія о всемъ въ шведской Финляндіи происходящемъ», на что ему ассигновать около тысячи рублей (Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, стр. 493).

Въ январѣ (25-го н. с.) въ Гагѣ—около Стокгольма—собрался тайный военный совѣтъ короля, въ которомъ его главный совѣт-

никъ Толль представилъ обширный планъ войны съ Россіей. По его мнѣнію, слѣдовало сдѣлать нападеніе на самую столицу, а такъ какъ дорога туда заграждена была крѣпостями какъ съ финской, такъ и съ Эстляндской стороны Финскаго залива, то флотъ долженъ бы разбить непріятеля на морѣ и затѣмъ высадить армію въ Ораніенбаумъ, послѣ чего открывалась возможность взять Петербургъ и Кронштадтъ въ дни общаго переполоха, вызваннаго неожиданнымъ нападеніемъ.—По мнѣнію короля этотъ переполохъ еще болѣе увеличился бы политическою революціею, такъ какъ король имѣлъ въ виду возвратить Великому Князю Павлу то положеніе, которое отняла у него его мать Екатерина, занявъ престолъ послѣ революціи 1762 г. Великое предпріятіе надлежало выполнить арміи, которая, по расчету Толля, состояла лишь изъ 15,500 ратниковъ; сюда включены также и тѣ небольшіе отряды, которые по послѣднимъ добавленіямъ къ плану, должны были выступить на финляндской сторонѣ частію изъ Саволакса, частію вдоль берега. Шведскаго историка К. Т. Однера удивляетъ смѣлость этого военнаго плана, составленнаго человѣкомъ, который несомнѣнно былъ порядочнымъ главнымъ интендантомъ или военнымъ министромъ, но никоимъ образомъ не компетентнымъ военачальникомъ (Однеръ, ч. 3, стр. 34).

23-го марта 1788 г. графъ А. К. Разумовскій писалъ, что по слухамъ, въ Карлскронѣ «вооружаютъ 12 кораблей и нѣсколько фрегатовъ, что вмѣсто августа, лагерь въ Финляндіи назначенъ на іюнь» (Григоровичъ, II, стр. 12). Подобныя увѣдомленія присылались очевидно и раньше, такъ какъ уже 20-го марта 1788 г. въ Совѣтъ была внесена записка графа А. А. Безбородко «о мѣрахъ осторожности со стороны Швеціи», на случай «нечаяннаго нападенія, либо покушеній со стороны короля прусскаго». Записка предлагала подготовить флотъ, крѣпости и сухопутныя войска. Приложены были, въ видѣ справокъ, планы и росписанія 1784 г., составленные тогда на случай шведской диверсіи. Графъ рекомендовалъ также послать «генерала въ Финляндію, для осмотра всего поправленія что надлежитъ, безъ огласки, для примѣрнаго назначенія плана, и мѣстъ для лагерей и другихъ распоряженій, не дѣлая однако никакой тревоги и не оказывая безпокойства и опасенія». По части политической графъ Безбородко въ запискѣ своей говоритъ: «графа Разумовскаго наставитъ, какое ему имѣть поведеніе въ сихъ обстоятельствахъ, и въ случаѣ покушеній и возможности, постараться возбудить въ Финляндіи и Швеціи волненіе, чего ради

онъ долженъ будетъ при наблюденіи за поступками короля и его креатуръ употребить всемѣрное попеченіе, утверждать добронамѣренныхъ къ нашей сторонѣ, умножать число ихъ пріобрѣтеніемъ новыхъ какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, внушать имъ, что у насъ не могутъ быть никакіе противъ Швеціи замыслы, что мы желаемъ ей покоя и возстановленія ея вольности, и что собственная отечества ихъ польза наилучшимъ для нихъ будетъ служить убѣжденіемъ отвращать легкомысленную короля ихъ рѣшимость на какое либо предпріятіе» (Арх. Госуд. Совѣта, т. I, стр. 550—551). Одновременно правительство Екатерины II было озабочено привлеченіемъ на русскую службу опытныхъ и способныхъ офицеровъ изъ иностранцевъ.

23-го марта опять была разсмотрѣна новая денеша графа Разумовскаго, причемъ Совѣтъ постановилъ предоставить иностранному департаменту составить нужныя наставленія, «послѣдую твердости духа, съ которымъ Ея Императорское Величество на сіи дѣла взираетъ». Кромѣ того графу позволено было обнадѣжить шведскаго полковника Армфельта милостію и покровительствомъ Императрицы, «въ случаѣ если принужденъ будетъ прибѣгнуть къ намъ» (Арх. Гос. Совѣта, т. I, стр. 553).

Изъ дальнѣйшихъ протоколовъ Совѣта царствованія Императрицы Екатерины видно, что сообщенія объ увеличивающихся вооруженіяхъ Швеціи не прекращались въ теченіе апрѣля и мая. «Въ Швеціи производятся вооруженія болѣе нежели думали». Въ Стокгольмѣ состоялось «чрезвычайное собраніе» сената, въ которомъ король объявилъ «мнимую свою опасность отъ Россіи». «Король около 20-го іюня отправится въ Финляндію». Подобными заявленіями пестрятъ страницы протоколовъ.

И дѣйствительно, въ началѣ мая король зашелъ такъ далеко, что начальникъ войскъ въ Финляндіи, Поссе, получилъ отъ него повелѣніе приготовить все къ походу, пополнить магазины и вооружить крѣпости. Только наивные шведы могли вѣрить, что король, сосредоточивая значительныя войска въ Финляндіи, имѣлъ въ виду открыть риксдагъ въ Або, съ цѣлью провозглашенія себя самодержавнымъ.

Приготовленія короля оказались настолько всесторонними, что въ Швеціи занялись даже изготовленіемъ русской золотой монеты. Имѣется также свѣдѣніе, что чеканились и русскіе мѣдные пятаки,

вѣроятно, для того, чтобы расплачиваться ими въ русской Финляндіи (Однеръ, III, 51).

Примѣчаніе. Въ книгѣ А. Брикнера „Война 1788 г. находимъ такія указанія:

Весьма любопытно въ этомъ отношеніи слѣдующее обстоятельство. Въ Швеціи чеканились русскіе мѣдные пятаки, которыми Шведы уплачивали за купленные ими въ русской Финляндіи предметы; см. Зап. Храп. 29-го іюля: „Гр. Мусинъ-Пушкинъ прислалъ пятаки, коими шведы платили нашимъ за провозъ артилеріи, сказывая, что взяты на російскихъ корабляхъ. Вѣрно ихъ свидѣтельствовать, и мнѣ кажется, что они поддѣльные, но близки къ нашему стемпелю“. 30-го іюля: „По свидѣтельству на монетномъ дворѣ нашлось, что пятаки, коими шведы въ Финляндіи платили, не нашего стемпеля, но добротой съ нашими равны: видно, что давно они готовились“. Авторъ замѣчательнаго сочиненія о мѣдныхъ деньгахъ въ Швеціи (Aug. W. Stjernstedt) сообщилъ намъ, что мѣдные русскіе пятаки съ обозначеніемъ 1787 года чеканились въ то время въ Авестадѣ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ ничего болѣе объ этомъ любопытномъ обстоятельствѣ, показывающемъ, какъ тщательно Густавъ готовился къ походу.

Въ то же время король продолжалъ увѣрять всѣхъ въ своемъ миролюбіи и заявлять, что имѣетъ точныя свѣдѣнія о намѣреніи Россіи напасть на него (Однеръ, Густавъ III, ч. III, стр. 48).

Шведскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ баронъ Нолькенъ отлично зналъ, что главныя силы, которыми въ то время располагала Россія, были отправлены на турецкій театръ военныхъ дѣйствій, и что въ окрестностяхъ столицы оставался самый незначительный гарнизонъ. Онъ не только донесъ объ этомъ (въ началѣ 1788 г.) своему повелителю, но прибавилъ, что Россія на сѣверѣ можетъ думать только объ оборонѣ и о мирѣ съ сосѣдними государствами. Въ мартѣ баронъ повторилъ, что Россія не думаетъ начинать войны съ Швеціей, вслѣдствіе растройства финансовъ и незначительныхъ силъ, разбросанныхъ въ плохо оборудованныхъ крѣпостяхъ Финляндіи. Въ началѣ апрѣля баронъ Нолькенъ навѣдывался партикулярнымъ образомъ о причинахъ ходившихъ въ городѣ воинственныхъ слухахъ. Вице-канцлеръ отвѣтилъ, что основой такимъ слухамъ могутъ служить только свѣдѣнія о вооруженіяхъ въ Карлскронѣ, о пополненіи хлѣбныхъ магазиновъ въ шведской Финляндіи и о назначеніи тамъ лагернаго сбора (Григоровичъ, II, 13).

Король Швеціи строилъ свои расчеты главнымъ образомъ на неподготовленности Россіи къ войнѣ. Но этого Густаву было мало. Конституція Швеціи не давала королю права начинать по своему усмотрѣнію войны. Для наступательныхъ дѣйствій требовалось согласіе риксдага. Вооруженія близились къ концу, а поводовъ къ началію войны Россія не давала. Король метался въ поискахъ за

фактами, которыя дали бы ему возможность обвинить Екатерину въ коварныхъ замыслахъ. Особенно раздражали его депеши барона Нолькена, полныя заявленій объ особомъ миролюбіи императрицы. О вооруженіи же Швеціи Нолькену приказано было говорить, что онъ никакихъ инструкцій по этому вопросу не имѣеть.

Разгнѣванный депешами Нолькена, король 5-го мая н. ст. отправилъ въ Петербургъ фонъ-Моріана, въ качествѣ курьера съ ордеромъ, которымъ ясно давалось понять посланнику, чего отъ него требуютъ. Густавъ находилъ, что его послѣднія сообщенія крайне «слабы» и поверхностны. Излишне хладнокровный министр, — по мнѣнію короля, — беретъ на себя тяжелую отвѣтственность; «усиленное подозрѣніе въ этомъ отношеніи скорѣе явилось бы достоинствомъ, чѣмъ порокомъ». Поэтому король обязывалъ барона сообщать все, что ему извѣстно, не скрывая малѣйшихъ подробностей. Курьера надлежало вернуть при первой возможности.

21-го мая н. ст. маіоръ Моріанъ былъ обратно въ Стокгольмѣ съ новою депешою Нолькена. Въ ней теперь говорилось, что въ Кронштадтѣ вооружаются около 20 линейныхъ кораблей и 8 фрегатовъ, изъ которыхъ 15 линейныхъ судовъ и 6 фрегатовъ предназначены для Архипелага, остальные же для Балтійскаго моря, но кажется очень трудно будетъ набрать экипажъ для всего флота, а также для 32 небольшихъ негодныхъ галерныхъ судовъ, которыя будутъ приводить въ порядокъ. Для 6,000 человекъ, которые отправятся въ Средиземное море, устраивается лагерь въ Ораніенбаумѣ; а въ большомъ Царско - Сельскомъ лагерѣ находятся 20,000 человекъ, но кажется это число преувеличено. «Въ высшей степени затруднительное положеніе Россіи удерживаетъ ее отъ вмѣшательства одновременно въ войну съ двумя державами». «Императрица несомнѣнно преисполнена несправедливымъ негодованіемъ противъ вашего величества, но не настало еще время разразиться этому гнѣву; пока имѣется въ виду возстановить миръ съ Портой». Однако нельзя быть увѣреннымъ, чтобъ гордый нравъ императрицы не соблазнилъ ее на необдуманное рѣшеніе, особенно теперь, когда въ отсутствіе Потемкина никто не смѣетъ возражать ей. Ясно, слѣдовательно, что этой депешей Нолькенъ — насколько позволяла ему совѣсть — шелъ на встрѣчу воинственнымъ стремленіямъ короля (К. Однеръ, III, 47).

Король повелѣлъ Ф. Аспу снять копію съ послѣдней депеши Нолькена, исключивъ при этомъ нѣкоторыя мягкія и сдержанные замѣчанія посланника. На этой копіи король отмѣтилъ, какъ это

дѣлается на оригиналахъ, время ея полученія. Аспъ составилъ также промеморію по поводу свѣдѣній, которыя, повидимому, доставлены были другимъ лицомъ (Однеръ, III, 47—48).

Эти документы должны были убѣдить совѣтъ Швеціи въ необходимости обширныхъ вооруженій. Король созвалъ совѣтъ на 22-е мая н. ст. и, видимо, остался имъ вполне доволенъ, такъ какъ писалъ Армфельту: «сегодня я перешелъ Рубиконъ, или чтобы точнѣе выразить правду, совѣтъ меня перевелъ черезъ него. Я не думалъ, чтобъ старики могли быть столь оживленными и мужественными» (Однеръ, ч. 3, стр. 49).

Императрица, какъ видно, была хорошо освѣдомлена о томъ, что происходило въ Стокгольмѣ, такъ какъ 28-го мая писала Гримму: «Вотъ мой многоуважаемый братъ и сосѣдь, тупица, затѣваетъ вооруженія противъ меня на сушѣ и на морѣ. Онъ сказалъ своему сенату рѣчь, къ которой изложилъ, что я вызываю его на войну, что-де въ томъ удостовѣряютъ всѣ донесенія его здѣшняго посольства. Эти донесенія онъ приказалъ прочесть, и его сенатъ сказалъ своему барину, что его величество всегда правъ; по выходѣ же изъ сената, каждый говорилъ, что его вѣличество дѣлаетъ отчаянныя натяжки изъ донесеній своего посланника, который говоритъ какъ разъ противное тому, что ему приписываетъ его величество. Между тѣмъ его величество, по выходѣ изъ сената, отдалъ приказаніе вооружить галерный флотъ и двинуть въ Финляндію семь полковъ; надобно думать, что они теперь уже выступили въ походъ. Если онъ меня атакуетъ, я, надѣюсь, сумѣю оборониться и, оборонясь, буду говорить, что его слѣдуетъ посадить въ сумашедшій домъ; если же не атакуетъ, то скажу, что онъ еще болѣе полоумный, поступаая такъ, какъ онъ поступаетъ, съ цѣлю оскорбить меня» (Рус. Арх. 1878 г., X, 156).

Въ Швеціи торопливо продолжалась мобилизація. Въ то время, какъ Моріанъ ѣздилъ въ Петербургъ за подходящими для короля свѣдѣніями, Толль отправился въ западную и южную Швецію, съ цѣлю высылки изъ разныхъ крѣпостей оружія и аммуниціи въ Карлскрону, гдѣ снаряжался флотъ, а главному адмиралу графу К. Эренсверду предписано было тайно приготовить еще три линейныхъ корабля и одинъ фрегатъ.

Графъ Карлъ Эренсвердъ былъ сынъ знаменитаго Августина Эренсверда—создателя системы укрѣпленій въ Финляндіи и строителя Свеаборга. Карлъ Эренсвердъ, извѣстный своими познаніями и честностью, не могъ молчать въ то время, когда воинственныя

увлеченія Густава грозили его родинѣ. Адмиралъ указывалъ на необходимость реформы по комплектованію флота офицерами, король же стремился только къ увеличенію числа судовъ и къ замѣнѣ старыхъ кораблей новыми. Густавъ скоро пересталъ слушать совѣты своего адмирала, находя его назойливымъ, а Эренсвердъ, по слабости характера, не сумѣлъ настоять на проведеніи своихъ плановъ, почему на новыхъ судахъ остались старые порядки.

Король тщательно скрывалъ отъ народа и сановниковъ свои завоевательные замыслы, зная глубокое отвращеніе шведскаго дворянства къ воинственной политикѣ и недовѣріе его къ власти, вызванное государственнымъ переворотомъ 1772 г. Обстоятельства побуждали короля довольствоваться совѣтами своего тайнаго военнаго совѣта, въ составъ котораго входили генералы Толль, Рутъ и Отто Вреде. Но эти лица, какъ видно изъ словъ самаго Густава, являлись болѣе исполнителями его желаній, чѣмъ совѣтниками. «Только Провидѣнію извѣстно, вернусь ли я съ войны, или нѣтъ; если я въ ней погибну, то вѣроятно, вся ненависть и злоба народа обратится противъ васъ, господа, такъ какъ всѣ думаютъ, что вы мнѣ присовѣтовали ее. Поэтому я вручаю вамъ эти подлинники протоколовъ, изъ которыхъ видно, что вы не совѣтовали мнѣ начинать войну, и что я одинъ по собственной своей волѣ и вслѣдствіе сообщеній, сдѣланныхъ мнѣ моими министрами при иностранныхъ дворахъ, предпринялъ этотъ походъ» (А. Брикнеръ, Война 1788 г., стр. 70). Густавъ въ свою очередь считалъ войну роковой, предопредѣленной судьбой. «Il faut une guerre pour caractériser un règne». Теперь, по его мнѣнію, наступило время войною дать значеніе своему царствованію.

К. Эренсвердъ, видя преобразование флота незаконченнымъ и въ тоже время зная намѣреніе короля, рѣшилъ въ особой запискѣ представить истинное состояніе шведскихъ морскихъ силъ. «Съ тѣхъ поръ какъ Швеція, — писалъ адмиралъ, — потерявъ свои восточныя провинціи, пріобрѣла на Балтійскомъ морѣ могущественнаго противника и должна считаться съ быстро развивающеюся по сосѣдству имперіей, Швеціи уже нечего мечтать о завоеваніяхъ, а слѣдуетъ довольствоваться существующими границами и защищать ихъ всѣми силами». «Если бы Швеція могла существовать въ сторонѣ отъ политическихъ движеній другихъ государствъ, довольствуясь мирнымъ благополучіемъ своихъ гражданъ, это было бы легко, такъ какъ ее ограждали бы, во первыхъ—ея удаленность и климатическія условія, во вторыхъ—ея бѣдность и въ третьихъ—ея крѣ-

пости и войска, которыхъ было бы для простой обороны болѣе чѣмъ достаточно. Но, при нынѣшнихъ условіяхъ, такое существованіе государства не признается счастливымъ, а чтобы соперничать съ другими народами нужны: сильное войско на сушѣ и хорошій флотъ на морѣ»... Говоря далѣе о флотѣ, Эренсвердъ заявлялъ, что въ «Швеціи имѣются лишь мужики и нѣтъ приличныхъ моряковъ, причеиъ этотъ недостатокъ матросовъ не искупается качествами начальствующихъ лицъ. Число и достоинство этихъ лицъ таково, что шведскому флоту можно предсказать полное пораженіе во всякой морской войнѣ. Особенное несчастіе издавна тяготеетъ надъ шведскимъ флотомъ, который всегда оставался въ пренебреженіи и въ дурныхъ рукахъ!... Остается преобразовать весь составъ морскихъ офицеровъ и это должно быть сдѣлано, иначе государству угрожаетъ бѣда при первомъ же случаѣ, когда придется воевать»... К. Эренсвердъ опредѣляетъ, что для реформы флота требуется еще по крайней мѣрѣ шесть лѣтъ мирнаго времени. (Морск. Сборн. 1895 г., сент. 128—131).

Адмиралу отвѣтили приказаніемъ приготовить флотъ къ выходу въ море не позже 30-го мая 1788 г. и вооружить крѣпость Карлскрону. Такъ какъ это приказаніе состоялось въ мартѣ, то пришлось работать днемъ и ночью. Такая торопливость неизбежно должна была отразиться на боевой готовности флота.

Приготовленіе къ войнѣ сдѣлалось, наконецъ, общеизвѣстнымъ фактомъ въ Швеціи. Вѣсть о мобилизаціи какъ громомъ поразила всю страну. «Правда,—говоритъ одинъ шведъ (Вальквистъ), что въ Стокгольмѣ, гдѣ я находился, когда слухъ распространился о войнѣ, и во всей странѣ, по которой я возвращался домой, я замѣтилъ лишь то мужество, которымъ воодушевлена была нація ради славнаго дѣла». Въ этомъ сходятся современники какъ въ Швеціи, такъ и въ Финляндіи. Они сходятся также и въ другомъ менѣе пріятномъ наблюденіи. «Вѣрно то, что офицеры во всѣхъ странахъ радуются войнѣ, здѣсь же они были первыми, чуть ли не единственными, которые начали кричать противъ нея». (Однеръ, ч. 3, стр. 51). «Они спрашивали,—говоритъ Адлербетъ,—«кто выплатитъ имъ ихъ акорды, кто будетъ заботиться объ ихъ женахъ и дѣтяхъ, въ случаѣ они падутъ. Невоенный духъ, который проявился такимъ образомъ, былъ послѣдствіемъ поселенной системы, съ ея удобствами дворянской жизни въ бостеллахъ, и акордной системы. дѣлавшей офицера, ради его семьи, непригоднымъ для войны и бѣдствій. (См. Исторію Финляндіи. Время Императора Александра I.

М. Бородкина, стр. 67). Къ этому еще прибавился оппозиціонный духъ, который всосали старые офицеры въ періодъ вольности и который вліялъ и на младшихъ во время послѣдняго риксадага. На этотъ духъ воздѣйствовали два постановленія короля: постановленіе о свободѣ слова и печати отъ 7-го декабря 1787 г. и постановленіе о винокурении, изданное 3-го марта 1788 г., которое было понято, какъ правонарушеніе, ибо военныхъ лишали возможности принимать или отказываться отъ винокурения для домашняго употребленія, право принадлежащее каждому другому гражданину (Однеръ, ч. 3, стр. 51—52).

Король, повидимому, еще не зналъ объ истинномъ настроеніи господствовавшемъ среди военнаго начальства, такъ какъ онъ судилъ по близкимъ къ нему лицамъ у которыхъ воинскій духъ доходилъ до гордости и хвастовства; кромѣ того король видѣлъ то рвеніе, съ какимъ власти въ столицѣ дѣлали приготовленія къ войнѣ. «Все здѣсь въ величайшей дѣятельности»,—писалъ онъ поэту Армфельту,—«умы воспламенены, всѣ горятъ желаніемъ отличиться въ состязаніи. Словомъ, все такъ какъ было въ 1772 г. (Однеръ, ч. 3, стр. 52).

Трудно понять, какъ могъ Густавъ не знать дѣйствительнаго настроенія шведскаго дворянства, которое своими происками старалось возбудить войска. Король такъ увлекся увѣренностью своего торжества надъ беззаботнымъ непріятелемъ, что въ государственномъ совѣтѣ воскликнулъ: «Если успѣхъ увѣнчаетъ наше оружіе, я между памятниками русской гордыни пощажу только одинъ памятникъ Петру Великому, чтобы выставить и увѣковѣчить на немъ имя Густава» (Записки графа Сегюра. СПб. 1865, стр. 317).

Съ другой стороны Екатерина была слишкомъ раздражена, чтобы видѣть опасность въ истинномъ освѣщеніи.

Король работалъ съ лихорадочнымъ жаромъ; часто онъ съ разсвѣтомъ ложился спать и своевременно опять былъ за работой. По два раза въ день онъ посѣщалъ галерныя верфи, съ цѣлью ободренія рабочихъ. Повѣренному по дѣламъ Франціи, котораго встрѣтилъ въ оперѣ, онъ сказалъ, что это была чудеснѣйшая минута въ его жизни, болѣе прекрасная, чѣмъ день революціи въ 1772 г. «Европа станетъ судить меня, я иду подготовить себѣ мѣсто, которое впослѣдствіи займу въ исторіи». Своей сестрѣ король писалъ: «Мнѣ лестно, что въ концѣ моего поприща не придется опровергать того мнѣнія, которое Европа составила обо мнѣ въ началѣ моего царствованія». Густавъ видѣлъ въ себѣ единствен-

наго монарха въ Европѣ, который осмѣлился противиться императрицѣ. (Однеръ, ч. 3, стр. 52).

Король находился въ весьма возбужденномъ состояніи, когда онъ 27-го мая н. ст. предпринялъ поѣздку въ Карлскрона, для смотра выступающей въ походъ эскадры. Настроеніе его было самое повышенное, когда онъ 31-го мая н. ст. увидѣлъ свой красивый флотъ, самый большой, какой когда либо выходилъ изъ шведской гавани со времени ея могущества (*stormaktstiden*). Инструкція, которую онъ при этомъ передалъ своему брату великому адмиралу (*storamiralen*) Карлу Зюдерманландскому была полна гордаго самосознанія. Если онъ встрѣтитъ русскій флотъ или отрядъ его, то долженъ настоять на тѣхъ знакахъ почести, которые въ силу стариннаго обычая требуютъ честь государства и достоинство шведскаго флага, но не «провокируя» русскій флотъ. Если же русскіе задумаютъ силою защищать свои безмѣрныя претензіи, и такимъ образомъ начнется непріятельское дѣйствіе ихъ флота, то его величество повелѣваетъ употребить силу противъ силы, и тогда герцогу надлежитъ показать примѣръ, свойственный сыну и брату шведскаго короля, и мужество, которое его величество въ немъ замѣчалъ, защищая честь и самостоятельность государства. Если получены будутъ вѣрныя извѣстія о томъ, что со стороны Россіи сдѣлано нападеніе, то можно считать, что война начата Россіей, и тогда герцогъ обязанъ отыскать русскій флотъ и напасть на него при первомъ удобномъ случаѣ, при чемъ должны бороться до послѣдняго человѣка и послѣдней капли крови и ни одно сраженіе не должно кончаться безъ побѣды». Герцогъ Карлъ рассказывалъ своей супругѣ, что король ему намекнулъ, что онъ желаетъ начать войну, и потому герцогъ могъ бы дать кому нибудь изъ своихъ подчиненныхъ секретныя и устныя приказанія начать ссору съ русскими, но когда герцогъ потребовалъ положительнаго повелѣнія короля, то тотъ отвѣтилъ: «*Mais, mon frère, vous ne devez point être si délicat!*» (Однеръ, ч. 3, стр. 53).

Въ то же самое время, когда король такимъ образомъ совѣтовалъ своему брату доставить ему поводъ къ войнѣ, онъ писалъ своему министру въ Копенгагенъ письмо, въ которомъ тономъ глубокаго убѣжденія выставлялъ Россію, какъ несомнѣнную зачинщицу, потому что она начала вооружаться гораздо ранѣе шведовъ. «Если теперь», — продолжалъ онъ, — «положеніе ухудшится, и одинъ другому не захочетъ уступить, если варварскія недисциплинированныя нехристіанскія войска нападутъ на мои границы и

тѣмъ вызовутъ войну, я беру въ свидѣтели всю Европу, чтобъ доказать мою невиновность въ нарушеніи мира на сѣверѣ, и я, по примѣру великихъ королей, корону которыхъ ношу, поддержку шведское имя и вмѣстѣ съ тѣмъ честь ольденбургскаго дома, и если возможно будетъ, также великое имя, которое я ношу, и страшное обязательство, но которое я надѣюсь исполнить». (Однеръ, ч. 3, стр. 54).

Экипажъ флота состоялъ, кромѣ матросовъ, изъ 3,000 пѣхотинцевъ.

Замыслы Густава не могли не тревожить повелительницу Россіи, хотя она при первомъ болѣе опредѣленномъ извѣстіи (въ мартѣ 1788 г.) о вооруженіи Швеціи мужественно заявила въ запискѣ, внесенной въ совѣтъ, что «императрица Анна Іоанновна въ подобномъ случаѣ велѣла сказать, что въ самомъ Стокгольмѣ камня на камнѣ не оставитъ». «Я шведа не атакую, онъ же выйдетъ смѣшенъ», сказала Екатерина, узнавъ о слухахъ, которые приписывали ей намѣреніе напасть на Карлскрону. «Мы шведа не задеремъ, а буде онъ начнетъ, то можно его проучить»... «Мы гостилите не начнемъ» — значитъ въ дневникѣ Храповицкаго (7, 8, 21-го іюня 1788 г.). Видимо, что своимъ поведеніемъ императрица надѣялась на сохраненіе мира; но тѣмъ не менѣе она была «примѣтно» неспокойна: она тревожно изучала карту пограничныхъ мѣстъ Финляндіи, часто письменно совѣтовалась съ Потемкинымъ, отдавала приказанія. «Теперь набиваютъ голову Грейгу», какъ выразился Храповицкій 9-го мая и т. п. Въ разговорѣ со своимъ секретаремъ Храповицкимъ, Екатерина спросила: «Croyez-vous que se font m'attaquera?»

Нѣсколько позже (4—15-го іюня) императрица писала Потемкину: «Мнѣ кажется, они не задерутъ, а останутся при демонстраціи. Осталось рѣшить лишь единый вопросъ: терпѣть ли демонстрацію? Если бы ты былъ здѣсь, я бы рѣшилась въ пять минутъ что дѣлать, переговора съ тобою. Если бы слѣдовать своей склонности, я бы флоту Грейгову да эскадрѣ Чичагова приказала разбить въ прахъ демонстрацію: въ сорокъ лѣтъ шведы паки не построили бы корабли; но сдѣлавъ такое дѣло, будемъ имѣть двѣ войны, а не одну. Начать намъ и потому никакъ не должно, что если онъ насъ задеретъ, то отъ шведской націи не будетъ имѣть по ихъ конституціи никакой помощи, а буде мы задеремъ, то они дать должны; итакъ полагаю, чтобъ ему дать свободное время дурить, денегъ истратитъ и хлѣбъ съѣсть».

Прибавимъ кстати, чтобы не дать поводовъ къ серьезнымъ недоразумѣнiямъ, въ началѣ войны было строго запрещено «на биржѣ, въ клубахъ и трактирахъ говорить о дѣлахъ политическихъ, о распоряженiяхъ военныхъ и умножать неосновательные и неприличные толки, подъ штрафомъ, за преступленiе сего установленнымъ». (Полн. Собр. Зак. XXII, № 16663).

Скоро герцогу Зюдерманландскому представился случай примѣнить инструкцію короля. Изъ Кронштадта была отправлена маленькая эскадра изъ трехъ линейныхъ кораблей и четырехъ транспортныхъ судовъ, подъ начальствомъ вице-адмирала фонъ Дезина; она предназначалась для Средиземнаго моря, такъ какъ война со Швеціей представлялась для нашихъ властей еще мало вѣроятной. 11-го (22) iюля русскiя суда повстрѣчались съ шведскимъ флотомъ. Герцогъ Карлъ потребовалъ салюта шведскому флоту. Фонъ Дезинъ, вполне правильно ссылаясь на Абосскiй трактатъ, отказалъ въ салютѣ. Герцогъ настаивалъ, обѣщая въ случаѣ надобности поддержать свое требованiе вооруженной силой. Фонъ Дезинъ согласился салютовать «его королевскому высочеству, какъ августѣйшему родственнику императрицы». Шведскiй флотъ былъ поставленъ въ боевой порядокъ и русскому вице-адмиралу оставалось отсалютовать. На его 15 выстрѣловъ, шведы отвѣтили восемью.

Русская эскадра направилась къ Копенгагену. Герцогъ сдѣлалъ все, чтобы поссориться съ русскимъ адмираломъ; онъ самъ отмѣтилъ, что дѣйствовалъ даже противъ инструкціи, которая воспрещала «провоцировать» русскихъ. По прибытіи въ Ганге, герцогъ получилъ новыя приказанiя отъ короля, который теперь находился вблизи ихъ: герцогъ не долженъ пропустить ни одного русскаго корабля изъ Финскаго залива, пока императрица не согласится на требованiя короля; если обстоятельства потребуютъ, онъ долженъ силою воспрепятствовать ихъ выходу, и если онъ побѣдитъ, то обязанъ преслѣдовать русскiй флотъ до самаго Кронштадта, уничтожить его тамъ и взять или истребить Кронштадтъ (Однеръ, ч. 3, стр. 88).

Швеція, поддерживаемая сочувствiемъ Пруссiи и Англiи и, получивъ деньги, шла полнымъ ходомъ къ войнѣ. Порта обѣщала субсидiю въ 14 мил. піастровъ (Записки графа Сегюра, стр. 302). Перлюстрація прусскихъ и шведскихъ писемъ, произведенная русскимъ посломъ въ Варшавѣ, Штакельбергомъ, показывала, что Густавъ жилъ надеждой возвратить Финляндію, Эстляндію, Лифляндію и Курляндію. Въ Россiи обдумывали, какъ выйти изъ затруд-

нительнаго положенія. Между прочимъ разсчитывали повліять на короля возбужденіемъ оппозиціи и указаніемъ на конституцію. Согласно этимъ указаніямъ, графъ Разумовскій передалъ 7—18-го іюня шведскому министру иностранныхъ дѣлъ записку слѣдующаго содержанія:

«Ея Императорское Величество все свое царствованіе сохранила съ королемъ и націей шведскою доброе согласіе и миръ, постановленный въ Абовѣ, не подавая никакого подозрѣнія къ нарушенію, и теперь желаетъ продолженія онаго, тѣмъ болѣе, что занята весьма важною войною съ Портою. Въ засвидѣтельствованіе того Ея Императорское Величество сообщила всѣмъ дружественнымъ державамъ, а равномѣрно и его шведскому величеству о предметѣ посылки въ Средиземное море російскаго флота. Въ разсужденіе же разнесеннаго по поводу сего слуха о производимыхъ въ Швеціи вооруженіяхъ, съ російской стороны не для вызова, но изъ единой предосторожности отряжено было въ Финляндію весьма посредственное число войскъ, и въ Балтійское море отправлена по ежегодному обыкновенію, эскадра для обученія мореходцевъ, къ чему Швеція никогда не показывала никакого подозрѣнія ниже малѣйшаго вниманія, да и Ея Императорское Величество взирала спокойно на великія вооруженія, производимыя въ Швеціи и наблюдала совершенное молчаніе, пока движенія заключались внутри королевства; но какъ графъ Оксенштёрнъ королевскимъ именемъ объявилъ, что сіи вооруженія обращены противъ Россіи, подъ предлогомъ, будто она намѣрена наступательно дѣйствовать противъ Швеціи, — (объявилъ) министру двора состоящаго въ тѣснѣйшемъ съ Россіею союзѣ, и который конечно не могъ того скрыть отъ него, графа Разумовскаго, то Ея Императорское Величество не можетъ болѣе отлагать объявленія своимъ Императорскимъ словомъ его величеству королю и всѣмъ изъ шведской націи участвующимъ въ правленіи о несправедливости сихъ его подозрѣній и увѣряетъ о миролюбивыхъ своихъ расположеніяхъ къ нимъ всѣмъ. Но если таковое торжественное увѣреніе сочтется недовольнымъ, то Ея Императорское Величество рѣшилась ожидать всякаго происшествія съ тою надежностью, какову внушаетъ какъ непорочность ея предпріятій, такъ и довольство ея средствъ, предоставленныхъ ей Богомъ и которыя всегда обращала она къ славіи своей Имперіи и къ благоденствію своихъ подданныхъ». (Григорovichъ, 11, 18—19. К. Ординъ, 11, 112—113).

Записка графа Разумовскаго явилась искрой, попавшей въ костеръ. Густавъ не могъ скрыть своего удовольствія и воспользовался ею, какъ предлогомъ для дипломатическаго разрыва. Въ письмѣ короля къ Армфельту читаемъ: «Графъ Разумовскій представилъ намъ дружественную ноту, но какъ въ нее, къ счастью, входитъ выраженіе, которое повидимому отдѣляетъ короля отъ націи, то мы воспользуемся этимъ, чтобъ опредѣлить нашу позицію, или выражаясь дипломатическимъ языкомъ, занять болѣе рѣшительное положеніе». «Значитъ, говорится далѣе,—госпожа Екатерина не желаетъ воевать съ нами; но дѣло дойдетъ до войны; вѣрьте мнѣ, отъ судьбы не уйдешь». (Однеръ, ч. 3, стр. 67).

12—23 іюня, въ то время, когда началась посадка шведскихъ войскъ на суда, королевскій церемоніймейстеръ Бедоаръ прочелъ графу Разумовскому слѣдующій отвѣтъ Густава: «Король изъ записки русскаго посланника усмотрѣлъ, что онъ старается отдѣлить короля отъ народа, что впрочемъ довольно согласно съ правилами русскимъ дворомъ часто оказанными. Король, однако, не можетъ думать, чтобы такое объявленіе было предписано графу Разумовскому русскимъ дворомъ, и поэтому будучи удивленъ и оскорбленъ непристойнымъ и противнымъ спокойствію государства изъясвленіемъ, король не можетъ отнынѣ признать графа Разумовскаго долѣе посланникомъ Россіи, предоставляя себѣ по прибытію въ Финляндію отвѣчать императрицѣ чрезъ шведскаго посланника, находящагося въ Петербургѣ. Теперь же король требуетъ, чтобы графъ Разумовскій, не имѣя болѣе никакихъ сношеній съ шведскими министрами, выѣхалъ изъ Швеціи не позже, чѣмъ чрезъ недѣлю—въ разсужденіи того, что въ представленіи его нарушены начальныя основанія правленія и должно уваженіе къ королевской особѣ». (Брикнеръ, Война 1788 г., стр. 73).

Въ тотъ-же день представителямъ иностранныхъ державъ была сообщена записка графа Оксеншерна, въ которой говорилось: «Король видитъ въ образѣ дѣйствій русскаго посланника ту самую систему раздора, которую всегда старались распространять и предшественники графа Разумовскаго. Сначала король еще не вѣрилъ, что русскій посланникъ старается привести шведскую націю въ заблужденіе; но графъ Разумовскій своей запиской отъ 18-го іюня прекратилъ всѣ сомнѣнія, обращаясь не только къ королю, но и ко всѣмъ, въ правленіи участвующимъ, и даже къ самому народу, для увѣренія ихъ о расположеніяхъ императрицы и о пріемлемомъ

ею въ спокойствіи ихъ участіи. Всякій посланникъ не долженъ и не можетъ изъяслять расположенія своего государя кому либо другому, кромѣ государя, при которомъ онъ уполномоченъ. Всякая иная власть для него чужда; всякій иной свидѣтель для него излишенъ. Таковъ законъ, таковъ непремѣнный всѣхъ европейскихъ кабинетовъ обычай. Король поэтому оскорбленъ наиболѣе чувствительнѣйшимъ образомъ и не считаетъ болѣе графа Разумовскаго посланникомъ императрицы, которая не могла - же предписать выраженія, столь противныя кореннымъ шведскимъ законамъ и отдѣляющія короля отъ государства».

20-го іюня въ русской столицѣ состоялось засѣданіе совѣта для обсужденія депеши графа Разумовскаго. Совѣтъ нашелъ поступокъ короля несоотвѣтствующимъ доброму согласію между обѣими державами и оскорбительнымъ для петербургскаго двора. Въ виду того, что королевскій поступокъ показываетъ явное стараніе его изыскать поводъ къ разрыву, необходимо назначить главнаго начальника сухопутныхъ войскъ. Отъ 21-го іюня въ дневникѣ Храповицкаго значится: «Велѣно объявить барону Нолькену, что поступокъ его короля окончилъ здѣсь его миссію и пребываніе». У императрицы «примѣтна досада. Надо быть Фабіемъ (сказала она), а руки чешутся, чтобы побить шведа».

О запискѣ графа Разумовскаго, поданной (7—18-го іюня) королю, среди дипломатовъ и сановниковъ шли разные толки. И графъ Бернсторфъ, и графъ Герцбергъ (представители Даніи и Пруссіи) не одобрили попытки русскаго двора отдѣлять короля отъ его подданныхъ, но въ то же время они осудили и поступокъ Густава III; Бернсторфъ находилъ, что обращеніе короля съ русскимъ министромъ безпримѣрное въ исторіи; Герцбергъ же усмотрѣлъ, что Густавъ III зашелъ далеко, выславъ Разумовскаго изъ государства, тогда какъ онъ могъ ограничиться перерывомъ съ нимъ всякихъ сношеній и подачей жалобы его двору. (Однеръ, ч. 3, стр. 76). Графъ Сегюръ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что въ столицѣ нѣкоторые лица считали образъ дѣйствій посланника неосторожнымъ и слишкомъ сильно вызывающимъ короля на рѣшительныя мѣры. Въ средѣ иностранныхъ дипломатовъ шелъ слухъ о рѣзкихъ выраженіяхъ князя Потемкина, порицавшаго чрезмѣрную смѣлость Разумовскаго Сегюръ находилъ упреки, дѣлавшіеся Разумовскому, несправедливыми. «Будучи свидѣтелемъ всѣхъ ложныхъ слуховъ, онъ вынужденъ былъ объявить громко не только королю,

но и нации и даже всей Европѣ, что намѣренія государыни клонились къ миру». (Записки гр. Сегюра. СПб. 1865, стр. 296). Что касается императрицы, то она, какъ кажется, была совершенно довольна графомъ Андреемъ Кирилловичемъ; въ ея многочисленныхъ письмахъ къ Потемкину, въ которыхъ подробно говорится о разрывѣ съ Густавомъ, нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ неудовольствія по поводу образа дѣйствій Разумовскаго. Безбородко, а быть можетъ и Остерманъ, находили, что Разумовскій, вмѣсто того, чтобы, по крайней мѣрѣ, отсрочить разрывъ, возбудилъ своею нотой чрезмѣрное раздраженіе шведскаго правительства. Морковъ же, близкій другъ Разумовскаго, защищалъ его, доказывалъ несостоятельность сдѣланныхъ ему упрековъ. (Русск. Мысль, 1896).

Графъ Сегюръ, спрошенный императрицею о поступкѣ Густава, отвѣтилъ: «Въ этомъ дѣлѣ самое замѣчательное то, что посольство самодержавной государыни оказываетъ такое вниманіе къ самостоятельной націи, и что ея король этимъ обижается». (Записки гр. Сегюра, СПб. 1865, стр. 296).

Въ письмѣ къ Гриму (отъ 21 іюня 1788 г.) императрица дала волю своимъ мыслямъ и чувствамъ. «Сэръ Джонъ Фальстафъ, отправляясь моремъ въ Финляндію, велѣлъ сказать графу Разумовскому, чтобы онъ выѣхалъ изъ Стокгольма за то, что я не питаю никакихъ непріязненныхъ замысловъ ни противъ него, ни противъ его народа. Онъ выставилъ предлогомъ, что его чести противно, когда называютъ его народъ рядомъ съ нимъ самимъ; онъ стало быть, хочеть совсѣмъ вычеркнуть изъ употребленія имени народовъ. Вотъ величайшій деспотъ изъ королей, какого когда либо видано. Сэръ Фальстафъ дурной родственникъ и дурной сосѣдъ; его несправедливость по отношенію ко мнѣ нѣчто неслыханное; я передъ нимъ никогда ни въ чемъ не была виновата; я кормила его финляндцевъ нѣсколько лѣтъ, когда въ Финляндіи былъ голодъ; онъ никогда ни на что не жаловался. Его величество доказываетъ, что, незаконно завладѣвъ неограниченною властью, пользуется ею на горе своимъ подданнымъ. Всякій король, всякій государь первое лицо своего народа, но одинъ король не составляетъ всего народа. Неужели упомянуть о шведскомъ народѣ значитъ обидѣть короля? По какому праву онъ беретъ на себя судить русскаго посланника? Онъ высылаеть его за то, что онъ упомянулъ о шведскомъ народѣ: развѣ есть законъ, которымъ это запрещено? Онъ переходитъ отъ одного оскорбленія къ другому: по его приказанію

шведская эскадра потребовала салюта отъ трехъ нашихъ судовъ, что противно 17 статьѣ трактата 1743 г. (Рус. Арх. 1878, X, 157).

Послѣ 23-го іюня разгнѣванный Разумовскій удвоилъ свое усердіе въ дѣлѣ возбужденія населенія. Онъ писалъ Остерману, что онъ не преминетъ воспользоваться различіемъ, которое онъ сдѣлалъ между королемъ и націей «и если хоть малѣйшій еще патриотизмъ шевелится въ жилахъ шведовъ, то я сдѣлаю все, чтобъ вновь разбудить его, пока я еще нахожусь между ними». (Однеръ, ч. 3, стр. 77—78).

Въ тотъ же день (12—23 іюня), когда гр. Разумовскому былъ врученъ отвѣтъ на его записку, король выѣхалъ въ Финляндію. Оставляя Стокгольмъ, онъ писалъ Армфельту:... «представленіе, что я спасу Оттоманскую имперію отъ гибели и что мое имя станетъ извѣстнымъ какъ въ Азій, такъ и въ Африкѣ, всѣ подобныя картины возстали предо мной въ одинъ мигъ». Подобными мечтами онъ услаждалъ фантазію и усыплялъ разумъ; но вскорѣ, однако, постигло его горькое разочарованіе, ибо его надежда,—какъ пишетъ историкъ К. Однеръ,—что война снова оживитъ шведскій національный духъ, также оказалась иллюзіей.

Войной король надѣялся вырваться изъ той душной общественной атмосферы, которая его окружала. Въ разговорѣ съ Ревентловомъ онъ сказалъ: «Тайная война, которая давно уже ведется противъ меня въ моей собственной странѣ, гдѣ постоянно возбуждаютъ моихъ подданныхъ, становится, наконецъ, невыносимой; этимъ хотятъ обратить меня въ нуль или заставить меня сдѣлаться деспотомъ, но ни тѣмъ, ни другимъ я стать не хочу. Я знаю свой народъ; въ спокойное время онъ можетъ предаваться всѣмъ непомѣрностямъ партійнаго духа, но послѣ перваго пушечнаго выстрѣла снова проснется національный духъ, и онъ увѣренъ, что его шведы храбро стануть сражаться». (Однеръ, ч. 3, стр. 72).

Графу Разумовскому было заявлено, что на его записку отъ (7—18 іюня) король отвѣтитъ императрицѣ изъ Финляндіи. Отвѣтъ былъ присланъ. Послѣ многихъ упрековъ по адресу Россіи, Густавъ крайне задорно ставитъ въ немъ рядъ условій восстановленія мира, причемъ требуетъ возмѣщенія своихъ убытковъ, разоруженія русскаго флота, увода нашихъ войскъ отъ границы, съ правомъ самому остаться вооруженнымъ до заключенія Россіей мира съ Турціей, для которой требуетъ Крыма, а себѣ—уступки

на вѣчное время всей Финляндіи и Кареліи съ губерніей и городомъ Кексгольмомъ, «такъ какъ все оное уступлено Россіи мирными договорами Ништадтскимъ и Абовскимъ, устанавливая границу по Систербекъ».

Въ письмѣ же къ Нолькену отъ 25-го іюня (6-го іюля), при которомъ препровождалась эта записка къ императрицѣ,—было заявлено: «Но изъ этихъ предложеній я не могу уступить ни единого слова. Мое желаніе, мое безусловное повелѣніе заключается въ слѣдующемъ: вы должны объявить, что отвѣтъ, требуемый вами, долженъ быть простое *да* или *нѣтъ*, что это мое послѣднее слово, что въ случаѣ отрицательнаго отвѣта я буду считать его объявленіемъ войны, тѣмъ болѣе, что открытіе военныхъ дѣйствій русскими войсками въ Саволакскѣ близъ Нейшлота даетъ мнѣ право на подобныя же мѣры. Не забудьте, что это тѣ же самыя провинціи, которыя Петръ I возвратилъ бы Швеціи, если бы не умеръ Карлъ XII, и что въ 1741 году самъ отецъ графа Остермана предлагалъ уступить Швеціи Кексгольмъ для избѣжанія войны, что Выборгъ въ Ништадтскомъ договорѣ былъ бы возвращенъ Швеціи, если бы шведскіе комисары—и да будетъ это сказано къ вѣчному ихъ позору—не были подкуплены, и что, наконецъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ Россія, ради сохраненія мира, должна принести нѣкоторыя жертвы. Однимъ словомъ, вы должны объявить, что ни вы, ни я въ отношеніи къ этимъ пунктамъ не въ состояніи принять иного отвѣта, кромѣ *да* или *нѣтъ*. Мое единственное желаніе заключается въ опредѣленіи удобныхъ границъ. Позволяя вамъ объясняться въ этомъ духѣ и смыслѣ, я, однако, запрещаю вамъ подавать поводъ къ мнѣнію, что я готовъ согласиться на какое либо смягченіе моихъ требованій. Я опасаюсь, что Россія желаетъ лишь выиграть время, но я рѣшился не терпѣть этого». (Брикнеръ, Война 1788, стр. 49).

Императрица отвѣтила Густаву манифестомъ 30-го іюня 1788 года, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «...кого не удивятъ коварство, насиліе и вѣроломство, сопровождающія злыя предпріятія противъ Россіи короля шведскаго? Когда онъ въ Швеціи насильственнымъ образомъ испровергнулъ постановленія, сохранявшія власть сената и вольность народную, достигая тѣмъ самодержавія, мы по сію пору не употребили права воспротивиться тому, яко явному нарушенію обѣтовъ гласныхъ въ трактатѣ Ништадтскомъ, подтвержденномъ въ его пространствѣ и послѣднимъ Абов-

скимъ, въ чаяніи, что сіе происшествіе не поколеблетъ блага Швеціи». (Полн. собр. зак. ХХІІ, № 16679).

Объ ультиматумѣ Густава ІІІ двухъ мнѣній не существовало: онъ былъ осужденъ поголовно всѣми. «Мнѣ кажется,—сказалъ императрицѣ французскій посланникъ гр. Сегюръ,—«что шведскій король, очарованный обманчивымъ сномъ, вообразилъ себѣ, что уже одержалъ три значительныя побѣды». По мнѣнію того же Сегюра, даже султанъ «не посмѣлъ бы обратиться въ такомъ тонѣ къ слабому господарю Молдавскому...» «Даже самъ Фридрихъ Великій»,—замѣчаетъ по поводу этой записки, одинъ изъ современниковъ, датчанинъ,—«даже этотъ знаменитый полководецъ, во главѣ побѣдоноснаго войска и имѣя полную казну, не осмѣлился бы сдѣлать такихъ мирныхъ предложеній, которыя скорѣе можно было бы счесть за объявленіе войны». Датскій посланникъ Сень-Сафоренъ отозвался, что «сіе твореніе можетъ происходить только отъ помѣшательства въ умѣ, и что вообще поступки короля шведскаго неслыханныя и предъ всѣмъ свѣтомъ обнажаютъ злые его замыслы противъ Россіи». (Н. Григоровичъ, II, стр. 30). Въ письмѣ къ Гримму отъ 8-го іюля императрица называетъ ноту пресловутой, «которая, мнѣ кажется, можетъ считаться образцовымъ произведеніемъ нелѣпности и горячечнаго бреда. Густавъ, — прибавляетъ она, — ведетъ себя совсѣмъ, какъ какой нибудь выскочка».

Къ этимъ причинамъ войны со Швеціей прибавимъ донесеніе отъ 2—13 іюня 1788 года русскаго министра Симолина изъ Парижа: «По слухамъ было извѣстно, что шведскій король рѣшился на производимое имъ противъ насъ вооруженіе, въ разсужденіи того, что Порта обѣщала ему три миліона піастровъ, если онъ воспрепятствуетъ нашему флоту выдти въ нынѣшнемъ году изъ Балтійскаго моря. Шведскій тамъ посоль баронъ Сталь получилъ изъ Царьграда большой пакетъ для препровожденія къ своему двору». (Н. Григоровичъ, II, стр. 26).

Но къ открытію военныхъ дѣйствій русскіе ни малѣйшаго повода не давали. Между тѣмъ флотъ Густава уже крейсировалъ въ водахъ Финскаго залива, а сухопутныя войска наступали...

По необходимости Густаву пришлося начать войну маскарадной стычкой у мѣстечка Пумала. Мы говоримъ—маскарадной потому, что она происходила между отрядомъ шведскихъ войскъ и

шведскими же солдатами, переодѣтыми въ русскіе мундиры. Профессоръ А. Брикнеръ давно и удачно обосновалъ исторію этой стычки по письмамъ современниковъ. Въ наши дни шведскій историкъ Однеръ далъ новыя данныя, подтверждающія заявленія Брикнера. 5-го іюня 1788 года Густавъ писалъ къ своему другу Г. М. Армфельту, какія мѣры должно было принять, чтобы заставить русскихъ начать войну, или скорѣе, чтобы русскіе казались начинающими: «Примите всѣ мѣры предосторожности, чтобы никто не могъ намъ приписывать вину открытія военныхъ дѣйствій. Лишь бы одинъ стогъ сѣна сожженъ былъ русскими въ шведской Финляндіи, и этого достаточно, чтобы назвать императрицу начавшею войну, и государственный совѣтъ въ Даніи не будетъ считать себя обязаннымъ исполнить обѣщаніе договора. Вашъ дядя можетъ выставить пограничныя форпосты на спорной территоріи; тогда и того довольно, чтобы какой нибудь задорный русскій офицеръ затѣялъ споръ; тогда наши форпосты отступали бы, такъ что русскіе послѣдовали бы за ними и перешли бы черезъ границу въ шведскую Финляндію; послѣднее можно бы считать объявленіемъ войны со стороны Россіи; это очень важно въ отношеніи къ Даніи. Вы знаете положеніе дѣлъ въ этомъ государствѣ». Далѣе Густавъ пишетъ: «Все зависитъ отъ того, чтобы русскіе перешли границу, лучше всего, нападая на какой-либо пограничный форпостъ; но только, чтобы то, что должно случиться, случилось поскорѣе». 13-го іюня Густавъ пишетъ: «Теперь уже время стараться начать войну, пока вене заставить русскихъ начать споръ на границѣ. Такъ какъ я ѣду 19-го, то спустя двѣнадцать дней или 1-го іюля, я буду съ войскомъ въ Свеаборгѣ, и если тогда уже дѣло завяжется, то военныя операціи могутъ начаться безъ потери времени».

Возьмемъ еще у того же Брикнера извлеченіе изъ писемъ Стединга къ королю отъ 25-го іюля—5-го августа 1788 г. и отъ 13-го января 1789 г. «Тайна нашей экспедиціи при Пумала не могла быть скриваема вполне хорошо; кое что по этому дѣлу сдѣлалось извѣстнымъ». «Когда я до начала войны пріѣхалъ сюда, я нашелъ, что не все было приготовлено надлежащимъ образомъ, и что тайна разрыва съ Россіей не была сохранена, какъ слѣдуетъ. Я былъ недоволенъ этимъ и безпокоился».

Но особенно характерно слѣдующее. Въ Императорской Публичной библиотекѣ въ Петербургѣ,—пишетъ А. Брикнеръ,—на-

ходятся записки адъютанта генерала Каульбарса, командовавшаго отрядомъ войска. Въ нихъ говорится о началѣ войны и затѣмъ разсказывается слѣдующее: «Адъютантъ генерала Каульбарса былъ крайне удивленъ и испуганъ извѣстіемъ, которое ему сообщилъ Германсонъ: послѣдній утверждалъ, что всѣ поводы къ открытію военныхъ дѣйствій оказались фальшивыми, и что баронъ Гастферъ переодѣлъ своихъ людей въ русскіе мундиры и велѣлъ имъ грабить финляндскихъ крестьянъ и грозить финляндскимъ солдатамъ».

Таковы главные доказательства профессора А. Брикера.

Что же извѣстно о Гастферѣ? О немъ отъ Однера узнаемъ слѣдующее: «Гастферъ разсказывалъ герцогу Карлу, что онъ довѣрился Іегергорну и послалъ его съ войскомъ черезъ границу для ночной рекогносцировки, причемъ онъ приказалъ солдатамъ, дабы обмануть русскихъ, одѣться въ другую одежду; этотъ отрядъ выпустилъ нѣсколько зарядовъ противъ другого шведскаго отряда, и съ той стороны полученъ былъ отвѣтъ, послѣ чего оба разошлись». Но этому разсказу измѣнника Гастфера Однеру не желательно придать полной вѣры. Но побочныя обстоятельства настойчиво подтверждаютъ Гастфера.

«Однако вѣрно то»,—продолжаетъ Однеръ,—«что Гастферъ получилъ предписаніе отъ короля исполнить секретное порученіе въ концѣ іюня» и сообщеніе Стедингга королю (отъ 15-го августа) о томъ, что секретъ съ шведской стороны не могъ быть соблюденъ, относится именно къ дѣйствіямъ отряда Гастфера. Въ 1790 г. Гастферъ написалъ письмо королю изъ тюрьмы. Въ немъ онъ описываетъ свое настроеніе осенью 1788 г. слѣдующими словами: «Я горько упрекалъ себя за военную хитрость при Пумала, и за то, что первый перешелъ границу, хотя то и другое произошло по волѣ короля». (Однеръ, ч. 3, стр. 91—92).

Наконецъ, одно изъ донесеній Гастфера гласило: «вольные отряды съ русской стороны вторгнулись въ шведскую Карелію, грабили и жгли тамъ и безчеловѣчно обращались съ шведскими подданными». Гастферъ ссылаясь при этомъ на рапорты ландсгевдинга (т. е. губернатора) Карпелана и капитана Веттергофа. Но все это оказалось выдумкой, ибо въ губернаторскихъ донесеніяхъ Карпелана того времени,—заявляетъ Однеръ,—нѣтъ даже и намека на какія-либо русскія насилія. И ни съ какой другой стороны раз-

сказы о нихъ не подтверждаются. Съ русской стороны утверждали, что именно здѣсь воспользовались знаменитыми казацкими мундирами, причемъ 24 шведа, наряженные въ казацкое платье, разграбили и сожгли дворъ въ шведской Карелии. (Однеръ, ч. 3, стр. 92).

Итакъ, не подлежитъ болѣе сомнѣнiю, что военныя дѣйствiя 1788 г. начаты были шведами...

М. Бородкинъ.

